

ПИСЬМА

Ю.П. Спегальский и О.К. Аршакуни – С.А. Цвылёву

Настоящая подборка представляет лишь небольшую часть писем, переданных в Псковскую областную научную библиотеку внучкой краеведа и библиографа С.А. Цвылева Ириной Цвылевой. До этого они хранились в семейном архиве и никогда еще не публиковались. Письма принадлежат перу известного исследователя псковской архитектуры Ю.П. Спегальского, отдельные – его жене О.К. Аршакуни, проживавших в 1950-е гг. в Ленинграде, но живо и постоянно интересовавшихся псковской историей, состоянием памятников Пскова, их реставрацией. С.А. Цвылев тогда проживал в Пскове, и тоже активно интересовался историей древнего города, занимался составлением краеведческой картотеки «Псковiana». Поэтому эти люди постоянно обменивались мнениями, делились друг с другом радостями и сделанными находками, консультировались по разным вопросам и др., что нашло отражение в содержании писем. Вместе с тем они дополняют характеристику Ю.П. Спегальского, как ученого и человека, т.к. содержат множество бытовых моментов. Интересен и стиль написания ряда писем.

Публикуемые здесь письма относятся к 1953–1954 гг., сохраняется их стиль, орфография и пунктуация. Для публикации письма предоставила заведующая отделом краеведческой литературы Псковской областной универсальной научной библиотеки **Е.Г. Киселева**.

№ 1

23.01.1953

Глубокоуважаемый Сергей Александрович!

Впал я в тяжкий грех написательства и никак не могу избавиться от сего непотребного греха.

Жизнь в Питере, с её суетой, отнимает не только время, которого никак не может хватить на всякие неотложные дела, но отнимает даже способность в свободную минуту что-либо помыслить связанное и стройное.

Сумбур и сумбур в голове – хоть ты думай, хоть не думай – ничего не придумашь.

О.К. 11-го уехала в дом отдыха, и я остался в одиночестве, аки сирота казанская, и даже хуже, чем в одиночестве – в обществе двух котов. За одними котами сколько нужно ухаживать и убирать. В нашем богоугодном филиале мы три раза заседали – обсуждали проект планировки центральной площади Пскова. Вынесли, конечно, разные постановления.

Большое спасибо Вам за хороший приём, за оказанное нам внимание – я часто об этом вспоминаю и жалею, что мало у вас побывал. Буду надеяться, что ещё побываю. Письмо к Терентьеву ещё не готово, но, вероятно, когда-либо испечётся, и кто знает, может быть, я, грешный, сумею хоть немного связаться с Псковом.

Но особенно на это не надеюсь.

Зато кажется, что издание моей работы о жилых домах XVII века, вещь уже вполне реальная. Было бы это для меня немалым утешением.

Как видите, всё ещё я жажду утешения – глупость это, конечно.

Длинное письмо не затеваю, ибо знаю по опыту, что из такого замышления ничего не выйдет. Два письма писал и не кончил, это третье – короткое, но зато с концом.

Ещё раз спасибо за радушный приём в Пскове. Желая вам всяческих благ от всей души!

Ю.С.

Письмо О.К. было написано в придачу к моему первому незаконченному письму 11 января.

№ 2

27.02. 1953

Давно, Сергей Александрович, не было от вас письма! Напишите. Так как Ваши письма всегда очень интересные, тем более, что они связаны со Псковскими делами, которыми мы очень и очень интересуемся.

Я приехала уже давно, но написать всё никак не могла собраться, так как у нас в Ленинграде жизнь страшно суетливая. Целый день толчешься, а к вечеру хочется поскорее лечь спать. В Москве ещё хуже «суета сует». И народу, кажется, ещё больше: над землёй и под землёй, везде народ! После Москвы Лен-д мне показался совсем мрачным, я его перестала любить после блокады. Он мне теперь всё время кажется каким-то холодным и неудобным. Псков же, в последний мой приезд, в Морозе и в Солнце, произвёл на меня хорошее впечатление. Всё это, конечно, объективные размышления...

Мы с Юр. Пав. никуда не ходили, а если выдаётся свободное время – читаем (он мне читает вслух). Так, за это время мы прочитали «американскую трагедию» (Драйзер), и я теперь хожу под впечатлением от этого произведения.

Наша лень и усталость с Ю. П. доходит до того, что однажды выбравшись на концерт в филармонию, мы удалились со второго его отделения...

Чем Вы теперь занимаетесь? И что выудили ещё из псковских архивов? Как чувствует себя Творогов? Он произвёл на меня очень тёплое впечатление.

С глубоким уважением к Вам. О.К.А.

№ 3

31.03. 1953

Дорогой Сергей Александрович!

Очень сожалеем, что заставили Вас повернуть ладью. О.К. выходила ненадолго, а я пришёл домой около 11-ти вечера, что бывает со мной в неделю три раза.

Просим Вас посетить нас, если это для Вас удобно, в пятницу. Я приду в 7-м часу, приходите раньше. В среду мы не будем дома, в четверг я не буду. Жду Вас с нетерпением, поговорить хочется о делах в Пскове. О своих делах расскажу. Вообще же, мы всегда очень и очень рады Вам.

Ю.С.

№ 4

1.08.1953

Дорогой Сергей Александрович!

Очень прошу простить мне моё неотвечание. Всё это происходит исключительно от «хандры», дошедшей до непоправимых размеров и от борения с моими пороками.

Я, худой и многогрешный смерд, удумал пред преставлением своим попечья о душе и изгнати из помышления всякие бесы непотребные, а паче всего смердящего асрендроподобного пакостного беса многоглаголения и борзописания, иже есть бес первейший и свирепый, алчный погубитель душ интеллигентских. Что есть многописание? Блудное многоречение, хуление Божеского промысла и властей придержащих, изрыгание предерзостей, прогневление Бога, сетования многими скорбными и воплями безтерпеливыми, хвала и вознесение беса многоблудоглаголения, погибель смиренню и терпению.

Лучше есть пианству и блуду предатися велию, нежели погибнути в пучине многописания.

И изгнаша аз многогрешный беса блудоглаголения и многописания, беса суеты и многознания, преста мудрити и соблазн творити и вселися в мя дух угодного и Богу Всевышнему и человеком справедливого и праведного молчания и неписания.

Пребываю аз во неписании мнозе и неотвещании велицем, его же не поколеблють ни князи и бояре, ни купеческий чин, занеже аз смердящей на суетные мирские грамоты смиренной незлобиво, аки праведнику достоин – промалчиваю. Тако благолепно аз чиню. И писали мне, смиренному, и князи, и бояре, како Грабарь Игорь Иммануилович, Воронин Николай Николаевич, и аз ничтоже не отвеща, и писана и от купеческа чину, како Егоров Иван Тихонович, и аз тако же не осквернил души своей многописанием.

И писана мне, смиренному, людие сильнии, како Соловьёв Егор Александрович, Бродский Юрий Ильич и мнозие великие человецы мира сего и аз не сквернишася блудописанием.

Но, увы мне, аз есть многогрешен, и погряз аз во многогрешии, аки в кале. Не избавися аз от помыслов мирских и блудомудрствования и мудроблудия, прободает мя бес рогама своим а снах и наяву и толкает ко суемыслию и несмирению. То во снах вижу друзей и недругов своих и изрыгаю хулы великие на бояр и купеческий чин, то многими сетованиями и вопли возвеличаю беса многоглаголения. И паче всего прободают мя всякие грамотки псковские и соблазняют мя, и аз изрыгаю многие хулы и погубляю душу свою грешную. Како ах не тшуся уши заложить и очи завесити, не растравляти скорби и печали многоглаголивой, не дати бесу радоватися над мною многогрешным, но есть аз слаб и не твёрд.

Чтобы не растравлять беса, я не взял я даже командировку в Псков (кажется, всё же придется поехать).

Во время отпуска (он уже кончился) занимался «халтурой», от коей по мере сил стараюсь не отстать и теперь, чтобы хоть что-нибудь заработать сверх того, что мне положено по чину и плану.

Так что свободного времени не имею, печка движется слабо.

Очень Вам посочувствовали, мы с Ольгой Константиновной. Правда, иначе и не следовало с Вами поступать, ибо оставь Вас на прежнем месте, так Вы бы ещё чего доброго, собрали бы кучу материалов по Пскову.

Надо всё же следить за порядком! Нарушаете Вы план, дорогой товарищ. Надеемся, Сергей Александрович, что Вы всё же будете в П-де, а будете, так зайдёте к нам.

Не сердитесь на грешного раба Божия, смерда Егорку!

Ю.С.

№ 5

15.09. 1953

Глубокоуважаемый Сергей Александрович!

Благодарю за письмо и за то, что Вы всё ещё считаете меня за живого человека! Это лестно и приятно, кем бы я ни был в действительности.

Вы знаете, меня точит такой червячок, что, может быть, даже пришло время попробо-

вать обратиться в высшие сферы с разоблачением псковских обманщиков.

Конечно, я раскачиваться буду очень долго, а сделать это нужно всем сразу или почти сразу.

Писать нужно и И.Н. Ларионову, и Вам, и Л.А. Творогову, причём, мне кажется, следовало бы предварительно как-то просмотреть весь отсылаемый материал.

Если Ваши высказывания по поводу псковских реставраций всегда обоснованы и реальны, то, к сожалению это не всегда бывает у Л.А. Этим он весьма вредит себе и делу, и в следствии его фантазий ничего не вышло с его прошлым письмом – за фантазиями скрылось и то, что он писал справедливого.

Не бойтесь беспокоить И.Э.Грабаря. Адрес его: Москва, Петровско-Разумовская аллея, д.6, кв.5.

Мне кажется, что ему следует послать «писк» более основательный, который касался бы не только последних дел, но показал бы всю деятельность за последние шесть лет во всём блеске. Необходимо указать на все сносы, перестройки памятников и искажения их (конечно, по возможности кратко), указать на то, что вся продукция за это время есть 100% брак, указать, что за все эти годы не дали ни капли научных результатов, что погублена масса материалов, которые если бы их сохранять, дали бы возможность намного расширить наши знания о др. пск. арх. Необходимо прямо указать на то, что все руководители псковских реставрационных дел ничего абсолютно не понимают, что всё основано на очковтирательстве и обмане, что их деятельность позорит нашу культуру, что нельзя терпеть даже такое положение.

Нужно указать на то, что охрана памятников РСФСР, в частности Е.П.Климов, который всегда выезжает по псковским делам – покрывают псковских бракоделов и обманщиков.

Наконец, нужно доказать, что «теория» охраны п-в РСФСР, о том, что Егорова и его присных «некем заменить» порочна, что наш народ не настолько немощен, чтобы не нашлось замены таким «гигантам» реставрации, как Егоров.

Можете, в частности написать, что я, если бы мне дали надлежащие возможности и условия для работы в Пскове, если бы там был не Егоров, а приличный человек на его месте, - я уехал бы в Псков и посвятил бы охране и реставрации его п-в весь остаток своей жизни.

Одним словом, надо доказать, что есть пути и возможности для того, чтобы навести порядок, если предпринять известные меры.

Может быть, следует упомянуть и о «роли» академика архитектуры А.И. Дмитриева, который ничего не делает для Пскова и ничего не понимая в этих делах, своим громким званием академика прикрывает, до известной степени, безобразия, творимые в Пскове. «Надзор» за Псковом А.И.Дмитриева – это пустой звук.

Может быть, Вам всем (т.е Вам , Л.А., И.Н.) стоило бы обратиться к Грабарю (поодиночке, конечно).

При этом, мне кажется, нужно просить его переслать весь этот материал с его собственными комментариями и предложениями в ЦК КПСС или же адресоваться сразу в оба адреса: к Грабарю и в ЦК, со ссылкой на оба адреса.

Это главное, о чём я хотел писать. Остальное всё мелочи жизни. Сделал я все «изразцы» для печи, лежат они, сохнут, пишу книгу о псковской каменной жилой архитектуре XVII века, будут издавать в 1954 году. Проект для Л.А. лежит без движения, так же, как и прочие дела, так как занят я «халтурой».

Прошу прощения за краткость письма.

Ваш нижайший слуга, смерд Егорка, просящий старец псковский.

P.S. О.К. была в восторге от Вашего письма и весьма смеялась различным выражениям оного.

4.11. 1953

Дорогой Сергей Александрович!

Сперва я думал, что Вы на меня за что-либо обиделись, а теперь начинаю беспокоиться за Вас, уж не заболели ли Вы! Ждём (с О.К.) от Вас хотя бы самого краткого сообщения о Вашем здоровье и житье-бытье. Мы живём помаленечку, никаких особых перемен в нашей жизни не свершилось. В Псков не собираемся пока, хотя думаем (на сей раз твёрдо) побывать весною, как станет тепло.

Уважающий Вас: Ю.Спегальский.

№ 7

21.12. 1953

Дорогой Сергей Александрович!

Письмам Вашим, как всегда мы были очень рады, а я в особенности, так как вы обещали показать мне очень интересные вещи. И, тем не менее, недуг душевный, который гложет меня, не позволил ответить вам, как бы следовало.

Правда дважды я садился за письма, но они так и остались неоконченными и неотправленными. Муть в голове и какое-то чувство ненужности не оставляют меня. Отчасти поэтому я не пытался что-либо говорить на происходившем недавно совещании.

В самом деле я ведь уже давно не реставратор, да и был им весьма недолго – почему же мне выступать на совещании реставраторов.

Поэтому я пока ничего не пишу о псковских реставрационных делах, хотя, может быть, в будущем и напишу. Но, вероятно, всё же если я буду писать, то после того, как хоть немного приму какое-то практическое участие в делах. Попытки добиться, чтобы мне дали возможность работать над какой-либо темой, связанной с Псковом, пока что ничего не дали. Но это ещё не окончательно. В январе (в конце, вероятно) я получу командировку в Москву и, может быть, сумею поговорить о том, что меня насильно заставляют гнить, вместо того, чтобы дать работать и приносить пользу.

Попали мне здесь в руки какие-то негативы с неизвестных мне чертежей обмеров псковских укреплений, но, к сожалению, только немногих чертежей (а их, видимо, было много), относятся они ко второй половине – концу 19 века, но, по-моему, на них есть круглая Смердь (Довмонтова) башня.

Негативы очень малые, мелко всё, ничего не понять, надо будет увеличить их, то есть сделать отпечатки.

Очень соскучился я по Пскову, но до весны я, вероятно, в родных краях не буду. Весной же или летом непременно будем в Пскове. Если бы удалось получить возможность работать над псковской темой! Тогда бы я чаще бывал в Пскове и приезжал бы на более продолжительное время. Но моё начальство задаёт мне вопросы такого рода: «А почему мы должны содействовать вашей работе по Пскову?», «Почему вы желаете именно псковскую архитектуру изучать, нам кажется, что лучше бы вам заняться, например, Ярославлем». Один же из «учёных мужей» сказал так: «Что же мы будем создавать условия для работы Спегальского по Пскову? Пусть он сам создаёт их, если ему это нужно. Шлиман раскапывал Трою на собственные средства, а мы, видите ли, должны давать средства Спегальскому на то, чтобы он

занимался изучением Пскова». К счастью, я сообразил промолчать о том, что какое было бы несчастье для Шлимана, если бы он на грех служил бы в учреждении, подобном нашему. Ведь все эти разговоры были на совещании, где был народ, «имеющий уши – да слышит». Вот какие разговоры!

На совещании я был, прослушал почти все выступления, в том числе и Жана Тихого. Он, по-своему не дурак, и, пользуясь невниманием к делу охраны памятников и некультурностью отдельных людей, руководящих этим делом (хотя он сам некультурнее всех, кого я видел), пытается укрепить своё положение и создать видимость, что и он что-то собою представляет, что-то может сделать, что-то понимает и т. д.

Однако, ясно видно, что дела идут хуже всего в Пскове. Новгород дал ряд неплохих выполненных работ (хотя это и капля в море) (благодаря Л.М. Шуляк).

В Суздале работает Варганов – очень толковый человек. В Горьком работает Агафонов и т. д., хуже псковских реставраций нет, да и быть не может. Это одна сторона; другая в том, что один только И.Т. счёл нужным выступить с нападкамии на ленинградскую реставрационную мастерскую, явно желая показать, как он здорово разбирается в реставрации. Одним словом, он учитывает, что можно держаться не хорошей работой, не честностью, а арапством, наглостью и обманом. В этом он не ошибается. Если общее положение с охраной памятников не изменится – он сможет продолжить свою игру.

Если же оно изменилось бы к лучшему, то, конечно, полетел бы на следующий день вверх тормашками. Дело всё в общем состоянии охраны и реставрации. Был у меня Н.Н. Воронин, кроме того разговаривал я с Ш.Г. Рагней, они уверили меня, что писали много раз об охране памятников, но пока не действует. Нужно, конечно, писать ещё, но очень мотивированно и, главное, нужно дать очень правильные конструктивные предложения. Вообще же пока этим не хотят заниматься – это самое главное.

Тевтон присутствовал на совещании, но не выступал (на это у него ума хватает). Видел их фото с реставрированного дома – конечно, они не потерпели, что не поломать окно светёлки над крыльцом. Сколько всё же подлости нужно иметь, чтобы так издеваться над правдой и над людьми! Ведь это, прежде всего, является плевокм в глаза всем, кто интересуется русской архитектурой, но не только им, а и всем вообще. Такой реставратор своей работой сереет всем на голову. Я как-то очень ясно ощущаю их неуважение к нашему народу и нашей эпохе, и я явно чувствую, что их действия пачкают и меня – ведь я-то тоже брат этих реставраторов – хочу я или не хочу.

Поздравляю с наступающим Новым Годом и желаю коренного улучшения Ваших дел и Вашей жизни! Привет и поздравления от О.К.

Уважающий Вас: Ю.С.

№ 8

30.01.1954

Сергей Александрович!

Так как основательное письмо с приложениями, которое я должен сделать, я всё не соберусь написать, пишу Вам наскоро. Дело в том, что последнее время я очень занят и, отчасти, по причинам не плохим.

Пока вопрос о моей работе в 1954 году не решён, я тороплюсь написать одну работу по Пскову, точнее - по его церковной архитектуре. Работа эта меня увлекла и неудивительно, так как благодаря ей и у меня начинают открываться глаза на то, что раньше я не замечал. Кроме того, дома я не имею ни одной минуты свободной.

О.К. уехала отдыхать (вернётся 4-го февраля), а я до её приезда хочу покончить со своей печкой «XVII века». Долго я не мог найти способа имитировать, затянул это дело, а теперь

использую каждую свободную минуту, чтобы закончить, наконец, это затянувшееся предприятие.

Приложить же к письму я хотел, во-первых, статью К.Г. Евлентьева о Ямском, а, второе – перевод записи Вундерера, немца, который был в Пскове в 1590 году. Эти записи изданы только на немецком языке. При этом они написаны на старо-немецком с примесью латыни.

Книжку эту я достал, теперь одна моя знакомая её переводит, но она не всё разбирает. Потом придётся этот перевод уточнить. Там есть очень любопытные вещи: описаны одежды псковичей, их обычаи, их жилища, дворцы в Пскове, их внутренняя отделка и ещё кое-какие подробности.

В своё время эти записки читал сам Ключевский, но он извлёк из них только кое-что, очень небольшое (в «сказаниях иностранцев»). Но в настоящее время я настолько погрузился в свою статью по псковской церковной архитектуре (небольшой вопрос), что Вундерером не могу заняться.

В связи с этой увлекшей меня работой, весной я должен обследовать ряд церквей (причём многие в области), обмерить их и т.д.

Прошу прощения за моё хамство – неписание и малописание!
Ваш Ю. Спегальский.

Ю.С.

№ 9

13.02.1954

Дорогой Сергей Александрович!

Много прошло времени с тех пор, как я получила от вас чудесные поздравления и «пукет» цветов в подарок. И вот с опозданием благодарю Вас сердечно за это подношение и ещё раз от души радуюсь Вашему милому юмору (несмотря на невзгоды жизни). В а ш и остроумные письма доставляют мне истинное удовольствие, от души можно посмеяться над Вашими меткими выражениями. (Иван Пердила II. Хорошо!). Жалею, что к 40 годам я растратила всё смешное и сама не умею смеяться. Смех, должно быть, большое удовлетворение в жизни.

Недавно приехала из Дома Отдыха (Зеленогорск), где пробыла 10 дней каникул. До каникул у ребят были экзамены, и работы воспитательской и преподавательской было очень много. Замечаю в себе перемены. Плохо стала успевать всё переделывать и остаётся много незаконченных и не начатых дел. Ловлю себя часто на том, что когда вижу, что ничего не успеваю, перестаю совсем что-либо делать и, таким образом, плыву по течению.

В это лето мы, вероятно, увидимся с Вами. Давно мы не были во Пскове и побывать непременно надо.

Жалею, что я ничем не могу Вас отблагодарить. Не хватает остроумия и смеха. Будьте здоровы.

Пишите.

С глубоким уважением к Вам

О.К.А.

11.02.1954

Сергей Александрович!

Статья К.Г. Евлентьева в Псковских Губернских Ведомостях 1873 г. № 23 озаглавлена: «Памятник псковской старинной письменности «Домашняя книга псковитина посадского торгового человека Никифора Ивановича Ямского» материал к истории губ. г. Пскова».

К сожалению, оказалось, что она у меня не переписана целиком, а лишь сделаны извлечения.

Оные извлечения передаю Вам и прошу не казнить меня, недостойного смерда, такую казнию за то, что извлечения кратки.

«...Во дворе палат, до покупки их покойным купцом П.Ивлевым из наследников Ямского, находился сад с оранжереями, который вырублен новым владельцем, построившем на том месте флигель и кладовые... из сообщённого нам Демидовой, в копии старинного тяжёбного дела, возникшего между наследниками Ямского, усматривается, что Ямской торговал в Нарве и С-Петербурге льном, а за морем юфтью; имел солодовенные заводы, снетовые печи, кожевенный завод, мельницу, свои лавки с разным товаром и свои лады для перевозки льна к нарвскому порту... Капиталы у Никифора Ивановича хранились в железном сундуке, в кульках, за печатью, в так называвшейся кладильной палатке... Родоначальником Ямских был родной брат Никифора Ивановича – Фрол Ямской, который имел двух сыновей: Артемия и Ивана...». «Домашняя книга» Ямского... доставлена в Псковскую Археологическую Комиссию действительным членом Губернского статистического Комитета и членом Археологической комиссии М.Ф. Эссенном».

Сергей Александрович! Боярин наш милостивый, не вели казнить смерда, недостойного слугу твоего, просящего старца Егорку, вели слово вымолвити!

Катаюсь в ногах твоих, прошу помочь мне, недостойному!

Помогите мне узнать, что за церковь изображена на фотографии, где она находится, как до неё добраться. Для меня это чрезвычайно важно.

Пока не сообщаю в чём дело, так как ещё пока окончательно не уяснил себе всё, что передо мной само открывается (в частности благодаря вот этой фотографии!). но попробуйте сами догадаться, я Вам подскажу кое-что: обратите внимание на обработку стен, не срезанную крышей, и на положение барабана! Потом я объясню, в чём дело, надо пока Вас поинтриговать!

Вы не говорите, что я прислал Вам эту фотографию, а скажите, что, мол, у Вас затесалась она, а Вы не знаете (если не знаете, конечно), что это за церковь.

Спросите, конечно, у Н.Н. Ларионова, он, возможно, поможет моей беде.

Если узнаете, где эта церковь – то непременно приеду в Псков и буду обследовать чердак этой церкви – это раз, а Вас угощу любой жидкостью, какую вы употребляете, с градусами – не просто угощу, а с великим смаком и удовольствием – это два.

Ну, а третье – напечатаю статью по одному вопросу из истории псковской архитектуры. Статья эта почти закончена, но кое-что необходимо уточнить; и главное из этого – ознакомиться с церковью, изображённой на этом снимке.

Кстати, (раз дело дошло до просьб), не попадалось ли Вам где-либо в документах упоминание о кожевенном заводе Поганкина на реке Пскове, на острове? Мне это попадалось в каких-то документах XVII века в библиотеке Псковского музея, но я по мутному и немощи пропустил, а теперь каюсь, так как ведь этот завод ни что иное, как «хлебопекарня». Жду ответа!

Ваш: Ю.С.

19.02. 1954

Сергей Александрович!

Вижу упорство Ваше в злонамеренных ересьях и погрязание Ваше в грехе приbedнения славного града Пскова! Отвратися же раб Божий от сей злобы, ибо ежели не отвратишься – погибнет душа твоя в геенне!!! Заедино с Таракашкой Вы возвели поклѣп на славный и преименитый град наш, будто бы он в допетровские времена не знал, или почти не знал, и не употреблял иной поливы, кроме зелёной! А псковские церкви в XVII веке будто покрывались только зелёной черепицей. И за таковые неистовые злобы и устыдить Вас некому, некому показать псковские черепицы XVII века не только самых разнообразных оттенков зелёного цвета, но и синих, коричневых, жёлтых – также самых различных оттенков! А изразцы будто бы были только муравленые, а про расписанные поливами цветов бирюзовых, изумрудных, коричневых, синих, белых, жёлтых, фиолетовых, красных – ни слова.

И по воле Божией те неистовые поносные словеса, напечатанные в Псковской правде, стали мне ведомы, и аз узнал всю правду, хоть по злomu умышлению Вы и не прислали мне сей заметки, укрывая свои злобы.

Но не скроется поносящий Псков от справедливой кары, и придется Вам, ежели Вы не хотите целоваться с Педрилами, поцеловаться всё же с Тараканищихой!

Не знаю как по-вашему, а по-моему подсѣту - не особенно точному, но и не очень уж далѣкому от истины - территория Пскова за стенами - без Кремля и Довмонтова города – 215 га, но к этому нужно прибавить Завеличье, тогда площадь Пскова будет около 280 га (без слобод).

Я не думаю, что Вундерер сообщил нам точное число дворов, но Вы-то меня возмутили тем, что еретически стали ужасноваться цифры 41 тысяча, мол, это ужаси и т.д., в то время как цифра эта, без сомнения, близка к действительности.

Вы доверяете или нет псковскому летописцу? (теперь я всего могу от Вас ожидать!). Так верите Вы его указанию, что в 1510 году в Среднем городе было 6,5 тысяч дворов? Свободная же от площадей территория Среднего города укладывается на свободной территории; то есть я не считаю площадь (большого торгового) Окольного города более двух раз, а на Запсковье – около того.

Итак, если не считать Завеличья (а не считать Завеличья – это вольнодумство и еретичество!), то в пределах городских стен могло умещаться $6,5 \text{ тысяч} \times 5 = 32.500$ дворов. Прибавьте к этой цифре Завеличье и Вы убедитесь, что Вундерер не так уж заблуждался.

Теперь попробую проследить за вашими злобными математическими подтасовками и сделаю тот же подсѣт, что и Вы, но, поставив не Ваши еретические данные, а подлинные. 280 га делю на 40000 - получаю 70 кв.м.; на улицы и площади даю около 15 % - остаётся на один двор в среднем около 60 кв.м. Опять-таки, цифра близкая к истине, так как было много дворов очень тесных, а кроме того здесь ещё не учтены слободы, которые тоже нужно приплюсовать к городу.

Чтобы наказать Вас за столь тяжкие грехи и проступки посылаю Вам фотоотпечатки из остатков фото архива И.Б. Михаловского. Те негативы, о которых я Вам писал, оказались сделанными с чертежей не псковских; а с псковских – только отпечатки, на которых я не разбираю ни хрена. Правда, тут можно узреть нечто похожее на Мстиславскую башню, на Кутекрыму и Плоскую горку, но всё же разбирать такую мелочь я не в состоянии.

Относительно приписки в книгах Поганкина – я её знаю, но считал её результатом недоразумения.

Ваше утверждение, что другого, столь же вместительного, как Поганкины палаты, здания в Пскове не было, голословно, слишком смело. Такое здание могло быть, хоть, вероят-

но, другие палаты Поганкиных (в существовании которых я ни капли не сомневаюсь) как строение более позднее, были значительно меньше, ибо во второй половине XVII века таких громоздких палат не строили.

А вот палаты воеводы, палаты Снеготорского подворья на Запсковье, мало разнятся по размерам от Поганкиных, а, кто знает, может быть были и ещё более крупные постройки.

Между прочим, Офицерский Корпус (в Волчьих ямах) немногим уступал Паганкиным палатам.

А не относилась ли указанная цифра в 50 тысяч четвертей к обоим Паганкиным палатам, а смета на «ремонт» - к одним из них? Ведь эта смета никак не вяжется с нашими Паганкиными палатами, а с другой стороны, мне кажется, что и в них не влезет полмиллиона пудов зерна.

Насчёт ровов Паганкиных палат – вы правы. Могу добавить лишь, что первый о «рвах» высказал мысль Погодин (как будто бы М.П.). его заметка о Паганкиных палатах, где была высказана эта мысль, напечатана в одном журнале (сейчас не помню его название). Очевидно, Евлентьев её читал и повторил эту ересь. Покрышкин при раскопках фактически не обнаружил никаких ровов, но написал будто обнаружил, хотя по его чертежам ясно, что рва не было.

Вот это место он счёл возможным принимать за ров. Фактически это был обнаружившийся при кладке фундаментов край рва, выкопанный под фундамент.

Палица – пологая часть крыши, сделанная с переломом (очевидно, слово родственное со словом полка).

Повал – нависающая часть рубленной стены, которая делалась под крышей посредством расширения сруба и предназначалась для увеличения откоса крыши от стен.

Облам – верхняя часть рубленных (т.е. деревянных) крепостных стен, соответствующая зубцам каменным. Обвалы выступали за основную стену, выдавались вперёд, т.е. нависали, образуя как бы карниз. По отношению к каменным стенам слово «Облам» почти никогда не применялось, и всегда говорится зубцы. Почему же всё-таки иногда говорят об «обламах» каменной стены или «башни»? Я думаю (это моё личное мнение), что это слово применялось в тех случаях, когда зубцы, выступая вперёд, нависая, стояли несколько свешиваясь, образуя подобие деревянных обломов. За это толкование не ручаюсь – постарайтесь его проверить.

Теперь о церкви – действительно это ц. Николы в Устье. Где она находится, я знаю и бывал там не так давно (лет 5 назад). Она за прошедшие с 1919 года время настолько изменилась, что я её не узнал. Раскрыт там только барабан главы, а крыша на самой церкви есть. Потом Вам всё объясню, может быть, мы даже вместе с Вами поедem туда и сделаем открытие, пока ещё совсем не сделанные, хоть Вы и думаете, что оно уже сделано.

«Не говори гоп, пока не перепрыгнул» - это, пожалуй, одна из наиболее мудрых пословиц!

№ 12

21.2. 1954

Получил ещё одно Ваше письмо! Спасибо! С большим интересом прочёл его и приложения. Правда, приложение №1 мне знакомо, возможно, что оно где-то издано.

Кое-что из псковской хапальной эпопеи начала XVII века есть у В.А. Богусевича.

А приложение № 2 – это просто золото! Благодарю от всей души! Правда, жаль, что сведения эти не относятся к XVII веку.

Я задумался над «загородными дворами». Не играли ли они роль дачной резиденции? Как Вы думаете?

Русиновский кожевенный двор, по-моему, не подходит. Ведь «Хлебопекарня» не за Псковой, а на Пскове, на Острове (была, конечно). Я помню, что где-то в псковском музее мне

попало указание на кожевенный завод на Острове, на Пскове (правда, остров там был не один).

Я бы с удовольствием летом копнул бы в «Хлебопекарне» - чтобы ещё раз удостовериться, что это был кожевенный завод.

История «книги» Ямского мне неизвестна, но, полагаю, она была несложна (после её приобретения комиссией). Она была ухапена кем-либо из любителей старины, а потом брошена в печку его родственниками. Думаю, что она давно погибла. Конечно, Евлентьев её издал не полностью – это видно из его же нумерации страниц.

Вы знаете, Сергей Александрович, а у меня вдруг появилась совершенно необычайная мысль! Я сижу и пишу и время от времени поглядываю на стенку, на которой висит старинный медный лунник. Другой лунник висит на кухне над столом, и О.К. сейчас тоже поглядывает на него, приготовляя мне котлеты. Эти лунники я подобрал в Пскове в 1944 году на улице Свердлова, т. е. на Застенной улице, недалеко от Старо-Вознесенского монастыря. Теперь я думаю, что откуда бы им там взяться, как не из Паганкиных палат. А в Паганкины палаты (т. е. в музей П.А.О.) откуда бы им попасть, как не из бывших палат Ямского.

Итак, в завершение всех событий, имущество Никифора Ивановича (ведь это всё, вероятно, что от него осталось) перешло ко мне!

О.К. также с интересом прослушала то, что я ей прочёл из Ваших приложений, и вообще, она, как и я, всегда рада Вашим письмам!

Ваш: Ю. Спегальский.

P.S.

Фотографию церкви, как и эти, вновь присланные «развращать» не обязательно!

№ 13

27.03. 1954

Дорогой Сергей Александрович!

С трудом заставляю себя писать, зная, что это совершенно необходимо сделать – хотя бы из вежливости. Но нахожусь я снова во вполне нормальном состоянии – в голове нет инее возникает ни одной мысли, и нет способности ни к чему, кроме сидения на стуле, принятия пищи и сна.

Допущенное в отношении меня по недосмотру в начале года безобразие – т. е. оставление мне возможности заниматься интересующим меня делом – теперь прекращено, и всё встало на свои места. На сей раз я брошен на колхозы, точнее, должен разработать проекты домов для колхозников. То обстоятельство, что этих домов мы по плану не должны были проектировать, и в план эта работа не включена, следовательно, это есть работа липовая, которая никуда не пойдёт и никому не нужна, а также то, что у меня ничего не выйдет из этих проектов – вселяют уверенность в необходимости занять меня именно этим делом. Уверен в полной, так сказать, рентабельности этого предприятия, другими словами, в том, что из сей работы, кроме грязной бумаги, ничего не получится.

Статья моя о псковской церковной архитектуре, набросанная мной начерно, теперь положена и тоже представляет собою грязную бумагу.

Может быть, я летом во время отпуска всё же её закончу, но предварительно необходимо съездить в Псков. Во всяком случае, если я её и напишу, то это будет сравнительно мало опасное нарушение порядка и справедливости, так как она касается лишь небольшого частного вопроса и большой пользы принести не может.

В отношении же большой работы, могущей принести какую-то существенную пользу для науки, я совершенно обезврежен.

Я замечаю, что Вас ещё недостаточно обезвредили и Вы продолжаете подрывную деятельность, направленную на уяснение прошлого Пскова и к обнаружению материалов, которые могут оказаться интересными и очень полезными для науки. Нужно Вас как-то осаживать, посею должен сообщить следующее: в том-то и дело, что имеющиеся у меня негативы оказались не псковскими, а снимки с псковских чертежей найдены лишь в отпечатках, тех самых, единственных, которые я Вам послал. Так что об увеличениях не может быть и речи. А эти отпечатки прошу Вас использовать, если их можно использовать так, как Вы сами найдёте нужным.

В Москву я до сих пор не ездил, рецензии на мою рукопись всё ещё нет, а книгу издавать в этом году не будут; и вообще справедливость и порядок с этой стороны не пострадают, надо думать.

А вот Вы, Сергей Александрович, человек хоть и ненадёжный в смысле научных интересов, но всё же иногда тоже бываете справедливым, как псковичи говорят «праведным» человеком – мою рукопись не читали, избежали этого. Теперь Вам уже не грозит опасность прочтения книги – она не выходит, а от рукописи, Бог даст, как-нибудь уберёжётесь.

Прошу прощения за дурацкое и короткое письмо – уверяю Вас, что ни к чему не способен в таком состоянии, как теперь.

Уважающий Вас: Ю.С.

№ 14

21.04. 1954

Сергей Александрович!

Прошу прощения за своё невежливое поведение, очень прошу! Не думайте пожалуйста, что я мало вспоминал Вас (кроме того мне О.К. много раз голову мылила за Вас), но я снова в своём обычном состоянии.

Возвращение от псковских дел к обычному образу служебной «деятельности», основанному на принципе «как не делать того, что не следует делать и при этом быть всегда занятым (см. Диккенса «Крошку Доррит, «Министерство околичности») совершенно убило меня. Всё немилостиво, а в своё богоспасаемое учреждение я просто не могу ходить. Прихожу оттуда совершенно вне себя. Ни о чём, кроме своего бедственного положения не могу думать. Думы эти бесполезны, но от них я одурел. Дважды принимался писать Вам, но письма получаются настолько идиотскими, что стыдно посылать. Но я считаю Вас своим человеком и не особенно стыжусь, и ради доказательства, что я о Вас вспоминал, посылаю Вам одно из этих старых идиотических писем.

Очень жалею, что принужден огорчить Вас относительно Касьяндровских чертежей!! Ваши письма читаю с большим удовольствием. Если Вы можете, пришлите найденные Вами описания дворов – это меня очень интересует.

Когда я отойду немного от столбнячного состояния, я займусь этими дворами. Отпуск же предвидится в июле месяце, и на это время мы предполагаем выехать в Псков и заняться обмерами и обследованиями, необходимыми для того, чтобы закончить мою статейку.

Ещё раз прошу – не обижайтесь на меня я ничего вообще и никому не в состоянии писать!

Уважающий Вас: Ю. Спегальский.

P.S.

Прошу идиотские письма не хранить, а посылаю лишь для представления о состоянии, в котором я нахожусь.

№ 15

24.06.1954

Дорогой Сергей Александрович!

Я нахожусь в странной тревоге. Юрия Павловича отправила в больницу прямо на операционный стол. (Ущемление грыжи).

Операция длилась 2 часа. В 2 часа ночи она кончилась, и меня на несколько минут впустили к нему.

Он оказался молодцом. Ни разу не вскрикнул и даже не стонал.

Однако, я волнуюсь, как пойдёт заживление дальнейшее.

Как видите наш приезд во Псков очень задерживается. Хочу после выздоровления устроить его в дом отдыха.

Вчера была у него на свидании. Он вспомнил о Вас. Я решила написать Вам и попросить Вас, чтобы Вы ему написали о Псковских делах. Он всегда очень интересуется и радуется Вашим письмам.

Сама я чувствую себя ужасно. Вчера уронила цветочный горшок на голую ногу и поранила очень сильно. Земля попала в ранку. Теперь бегу на противостолбнячный укол.

Пишите, дорогой Сергей Александрович.

Жму Вашу руку. С любовью и глубоким уважением к Вам

О.К.А.

№ 16

28.10.1954

Сергей Александрович!

Я очень рад, что Вы не очень на меня сердитесь! С радости отвечаю сразу. Мы с Никитой очень заняты. Работаем даже по вечерам, так как по моей книге всё надо закончить к 7 ноября, а мы не успеваем. Он готовит иллюстрации.

Ваши заказы не забыты, но отложены и будут выполнены. Так что карточки немного задержу. В Русском музее рисунки Тилезиуса действительно есть, но для моей работы они оказались неподходящими. В Москву в архит. и-т поехала одна фея из нашего филиала с письмом и обещала найти рисунки Мартынова. Вот пока и всё. Да, могу ещё сообщить, что мне сулит начальство, что я в 1955 году буду занят только Псковом. Не верю такому счастью. Желаю Вам всего наилучшего! Пишите, обещаю отвечать!

Ваш: Ю.Спегальский.

P.S. За карточки спасибо! О Вознесении очень интересный материал. Поздравляю с наступающим праздником!

Июнь 1954

Батюшка боярин, Сергей Александрович!

Бьёт тебе челом низко старец просящий скотский Ягорка. Случилось со мною, с Ягоркою великое горе-беда! Попался я, непутёвый, в руки разбойников превеликих, и оттяпали те разбойники мне пушше глаза бережёную килу-грыжу мою заслуженную.

Тридцать лет носил я ту грыжу-килу, носил, берёг, никому не показывал, ото всех берёг-сохранял, ан возьми да случись такое горе!

Попал я в руки жёнок молодых и схватили жёнки меня, раздели, повалили, руки привязали ко столу, похватали ножи булатные, взрезали тело моё смердые, кишки по-своему уложили, сало лишнее вырезали и собакам на ядь выбросили, потом взяли нитки со иглками, зашили брюхо моё, килы теперь нет – как не бывало.

И держали десять дён меня, старца, а ныне сижу я дома уже и ничего поделывать не могу; нет килы-грыжи больше, да и только!

Вот каковые дела творят тонкие в граде Питере!

Думал я с 1 июля пойти в отпуск, а теперь у меня «ублютень» до 14-го. Надеюсь, что сразу же после «ублютня» дадут отпуск. Тогда поедем в Псков.

Очень рад, что Вы собираетесь «душить» меня архивными новостями!

У меня пока ничего нового.

Спасибо за вырезку!

Ваш: Ю.С.

Дорогой Сергей Александрович! Благодарю Вас за быстрый ответ. Вы оказались прозорлив, действительно, Ю.М. «выперхнул» из больницы на 10 день. Есть надежда, что мы в конце июля будем во Пскове.

С глубоким уважением к Вам. О.К.А.

2.06.1954

Аз, ветхой старец, Ягорка Полумёртвой, бью челом тебе, батюшка Сергей Александрович, и благодарствую за память обо мне, недостойном смерде, за грамотку твою премудрую! А аз, поганый, доселе всё ещё не преставился, а ползаю не живой и не мёртвый, занеже не приемлет меня поганого ни Псков, ни рай Господень, ни аз кромешный и пребываю аз како во пустоте висящее, ни к чему не приставши. От той пустоты и висения, от тоски и истомы аз и ествы почти не вкушаю и пития не жажду, а токмо сна одного.

И ты, батюшка Сергей Александрович, не гневайся за то на раба своего недостойного, поганого, на меня, на Ягорку, понеже есть мне наказание от Господа за великие мои грехи, и аз не волен ни жить, ни помереть, а есть на то Господня воля. И не токмо что премудрые грамотки писати, а и глаголати словеса самые грубые и несмысленные аз не в силах и пребываю в малоглаголании великом, за что несу кару и наказание также и от супруги, понеже супруга гневается на неотвешание.

Письмо Ваше прочёл, как всегда с громадным удовольствием. Я предполагал, что Приказная палата относится к 80-м годам, но для этого располагал очень приблизительными и слабыми основаниями. Интересно было бы прочитать все 22 страницы, относящиеся к Приказной палате и Гостиному двору.

Относительно крыльца, изучение природы может дать очень много: нижняя площадка крыльца, по-видимому, сохранилась в земле, а кроме того, в 1948 или 1949 году Псковская реставрационная мастерская разрыла из под земли и частично уничтожила среднюю площадку. Меня тогда в Пскове не было, и потому она осталась не обмеренной. Остатки ворот и сейчас видны рядом с палатой. Кроме того, Приказная палата, по моему мнению, имела ещё один этаж (каменный), который в XVIII- нач. XIX в. был сломан.

Шоломы – по-моему, то же, что охлупки – ими закрывались коньки крыш. Очень интересно упоминание про устройство окон «с причелены прорезными» (очевидно, это были окна деревянной части здания).

Опушки лавок – самое законное и распространённое выражение: «опушка» - это резная (обычная) доска, которая прибивалась для обрамления лавки.

Интересно: про покрытие дёрном я никогда не слышал. Думаю, что дёрн служил лишь верхним покровом, назначение которого было в защите деревянной кровли от возможного возгорания, но покрытие в сущности было деревянным.

Спасибо, Сергей Александрович за память, за попытки меня образумить!

Живу лишь ожиданием отпуска и связанной с ним поездки в Псков, где надеюсь задержаться (хотя супруга желает путешествовать). Тогда мы поговорим, а, может быть, и кое-куда с Вами съездим.

Ваш: Ю.С.

№ 19

21.10.1954

Дорогой Сергей Александрович!

Я очень виноват перед Вами и прошу прощения за своё хамское поведение.

Пребываю в полусне, как всегда в Ленинграде. Мечтаю о том, что постепенно полусон перейдёт в сон на три четверти, потом ещё более и более. Характер мой портится всё более и более, видно я просто не выдерживаю тяжести своей жизни. Большое спасибо Вам за сведения о рисунках Мартынова! Они могут пригодиться для книги. Говоря о книге, я, конечно, несколько не принимаю этого всерьёз и не представляю себе, что она действительно будет издана. Но, во всяком случае, я должен её окончательно отредактировать к 7 ноября и сижу над текстом даже вечерами. В Московский архитектурный институт пошлю письмо с просьбой прислать фото с указанных Вами рисунков, в Русский музей схожу обязательно, так что не думайте, что это будет пропущено мимо ушей.

Ещё раз очень прошу Вас снизить к моим слабостям и простить мне месячный сон. Приветы Ваши передал сразу же.

Ю.С.

P.S. Реконструкции дворов, которые я вам должен, пока забросил, буду делать их после 7 ноября.

№ 20

28.12.1954

Дорогой Сергей Александрович!

Поздравляю с Новым годом, желаю в новом году жития некручинного и исполнения желаний! За поздравление Спасибо! На меня очень прошу не обижаться – я нахожусь в глубокой

дремоте. Относительно работы в 1955 году – ничего неизвестно как всегда. Нужно полагать, что ничего не изменится (к лучшему, во всяком случае). Никита всё водит за нос – не исполняет своих обещаний. Снимал мою печку, но вышло очень плохо. Ваш пролом в окольной стене так и не отпечатал. Негатив я у него отобрал, когда-нибудь сам напечатаю. Заказанные в М.А.И. репродукции с рисунков Мартынова уже готовы, но они не шлют их – нужно их взять.

С книгой моей ещё не знаю, что будет, но завтра сдаю рукопись в издательство. Для Л.А.Творогова ещё ничего не делал. Думаю, что ранее марта я не выйду из состояния зимней спячки.

Посылаю Вам рисунки дворов, по Вашим материалам – конечно, всё это полуфантазии. От О.К. привет и наилучшие пожелания.

Ю.С.

Сокращения имен и фамилий:

О.К., О.К.А. – Ольга Константиновна Аршакуни, жена Ю.П. Спегальского

Ю.П., Ю.С. – Юрий Павлович Спегальский

Л.А. – Леонид Алексеевич Творогов

И.Н. – Иван Николаевич Ларионов